

МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-3-97-103

Т. А. Речкина¹*Алтайский государственный педагогический университет*

ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА РЕКИ В ПРОЗЕ Ф.А. АБРАМОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ПЕЛАГЕЯ. АЛЬКА», «ПРЯСЛИНЫ»)

Статья посвящена исследованию гендерной семантики реки в дилогии Ф. А. Абрамова «Пелагея. Алька» и тетралогии «Пряслины». В своей работе мы отталкиваемся от устоявшегося в мировой культуре метафорического соотношения образа реки и женщины. В ходе исследования удалось обнаружить, что в избранных текстах мотив метафорического слияния двух образов на основе идентичной динамики передвижения раскрывается постепенно. Этот мотив проходит путь от прямого авторского сравнения реки с женщиной до наложения образов. Река у Ф. Абрамова демонстрирует женское начало, которое может проявляться в сходстве «поведения», некоем соперничестве и даже в мистической подчиненности женскому фольклорному персонажу, что оттеняется также неподвластностью и «враждебностью» пространства для персонажей-мужчин.

Ключевые слова: Федор Абрамов, гендерная семантика, река, пространство, мужское, женское.

T. A. Rechkina*Altai State Pedagogical University*

GENDER SEMANTICS OF THE RIVER IN PROSE BY F. A. ABRAMOV (BASED ON THE WORKS «PELAGEYA. AL'CA», «PRYASLINY»)

The article is devoted to the study of the specifics of gender semantics of the river in F. A. Abramov's dilogy «Pelageya. Al'ca» and the tetralogy «Pryasliny». In our work, we start from the metaphorical correlation of the image of a river and a woman, which is well-established in the world culture. The analysis of the close relationship of images is carried out by us through the prism of similarity of movement in space. In the course of research, it was found that in the selected artistic texts of F. A. Abramov, the motif of merging two images on the basis of identical dynamics of movement and the metaphorical roll call emanating from it is revealed gradually. This motif goes from a direct author's comparison of a river with a woman to an overlay of images, which is revealed when analyzing the specifics of behavior, the exceptional nature of each movement. The river in F. Abramov demonstrates the feminine principle, which can manifest itself in the similarity of «behavior», a certain rivalry, and even in a mystical subordination to a female folklore character, which is also shaded by the lack of control and «hostility» of space for male characters.

Keywords: Fedor Abramov, gender semantics, river, space, male, female.

¹ Татьяна Александровна Речкина, аспирант кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

В русской культурной традиции река так или иначе обнаруживает ассоциации с женским началом. Исследуя мифологические представления славян о реке, Л. Н. Виноградова в качестве основных свойств локуса выделяет «быстрое течение, подвижность, протяженность в пространстве, извилистость», а также отмечает, что «в поэтических текстах [река] называется «кормилицей», «поилицей», «матушкой»» [Виноградова, 2009, с. 416]. На наш взгляд, сходство двух образов в первую очередь проявляется в динамичности: непокорность бурного потока, сменяющаяся безмятежной гладью, в национальной картине мира метафорически сближается с переменчивым женским характером.

Такая интерпретация реки сохраняется и в русской традиционалистской прозе, одним из ярких представителей которой является Ф. А. Абрамов. Анализируя специфику поведения персонажей разного пола в избранном локусе, а также активность их взаимодействия с последним, попытаемся определить гендерную семантику реки в художественной системе писателя.

Один из наиболее ярких примеров тесной взаимосвязи между женщиной и рекой представлен в абрамовской дилогии «Пелагея. Алька». Молодая героиня отличается взбалмошным характером, откровенно нарушает принятые поведенческие устои деревенского социума. Ключевая психологическая черта Альки – постоянная жажда движения, которая остро проявляется в моменты наибольшего покоя героини. В этом отношении важен контраст статичных и динамичных локусов повести. К примеру, внезапно присоединившись к деревенскому сенокосу, Алька всё же не удовлетворяется проделанной работой в неподвижном пространстве и немедленно обращается к «родной» стихии: «Задор, лихая удаль вдруг накатили на Альку.

— Девчонки, айда на реку!

Девчонки, казалось, только этой команды и ждали.

С криками, с визгом кинулись вслед за ней» [Абрамов, 1974, с. 427].

В приведенном эпизоде важно отметить, что пространство реки влечет к себе девушек не только как место отдыха после тяжелой работы, но в женском кругу предстает для героини проверкой на идентичность: «Малявки поскидали с себя платишки еще по дороге, это всю жизнь так делается, чтобы без задержки, с ходу в реку, а когда спустились с крутого увала на песчаный берег, быстро разделись и девчонки. Разделись и со всех сторон обступили Альку.

Все ясно, усмехнулась про себя Алька, – какой у тебя купальник? Так уж устроены все девчонки на свете с рождения тряпичницы.

Есть, есть у нее купальник. Такой, что в ихней деревне и не снился никому <...>.

Но разве она думала, что ей придется купаться сегодня?» [там же]. Принципиально важная особенность Алькиного испытания заключается в том, что в немом вопросе о купальнике девушки фактически требуют от героини в очередной раз подтвердить свою идентичность статусу маргинала (это прослеживается на протяжении всего сюжета дилогии). Подобно бурной реке, Алька с легкостью разбивает преграду, не стыдясь своей неукротимой душевной натуры: «И все-таки – врете! Не у вас – у меня будет самый красивый купальник. В один миг Алька сбросила с себя все до нитки.

Девчонки ахнули: им и в голову ничего подобного не могло прийти, потому что кто же нынче купается голышом? Трехлетнюю соплюху, и ту не затащить в воду без трусиков.

На ребячьем пляже – рядом – закричали, застонали, но и там скоро захлебнулись.

Гордо, слегка откинув назад голову, понесла она к воде свое молодое, цветущее тело.

Под ногами певуче скрипел мелкий белый песок, жаркий травяной ветер косматил ей волосы, обнимал полные груди, собачонкой юлил в ногах» [там же].

Нагота Альки особо акцентирует слияние персонажа со стихией не только психологически, но и буквально физически. Кроме того, показательна словоформа, избранная автором для характеристики впечатления, произведенного героиней на мужчин. Парни именно «захлебываются» восторгом, что служит очередным доказательством неразрывной метафорической близости образа реки и женщины.

По словам А. И. Куляпина, переправа через реку «часто означает переход из одного состояния в другое – изменение или желание перемен» [Куляпин, 2014, с. 116]. Река словно смывает с Альки напускную веселость и легкомыслие, обнажая истинные переживания героини и драматичность ее судьбы: «Реку она переплыла без передышки, вышла на берег, ткнулась в песок.

Девчонки ей кричали: «Аля, Аля!» – махали платьями с того берега (похоже, и в воду не заходили), а она, зарывшись в теплый песок, сжимала руками мокрую голову и молча глотала слезы.

Ее с первого класса в школе считали отпетой, а мать, как она запомнила, только и твердила ей: «Смотри, сука! Только принеси у меня в подоле – убью!» А она, поверит ли кто, до позапрошлого лета не переступала черты» [там же, с. 428].

Символично, что переломный момент в судьбе героини происходит также у реки: «Мать, родная мать, можно сказать, толкнула ее в руки Владика. <...>. Вот этого-то она, Алька, и не могла стерпеть. Она сказала тогда себе, высказывая из окошка пекарни: ежели догонит меня Владик, пускай что хочет со мной делает.

Владик догнал ее у реки, почти на том самом месте, где она сейчас лежала...» [там же, с. 429].

Душевные терзания героини, проявившиеся в речном пространстве, позволяют говорить о восхождении к фольклорным истокам слияния образов. Так, А. Л. Топорков отмечает: «В народной лирике девушка в горе идет к реке и плачет, сидя на берегу, а ее слезы текут в воду или просто уподобляются течению реки» [Топорков, 1995, с. 333].

Важно отметить, что порой бессознательное отождествление Альки с рекой обнаруживает себя в восприятии героини другими персонажами. Например, пытаясь вразумить племянницу, тетка Анисья призывает: «Надо к берегу приставать, пристань свою искать...» [Абрамов, 1974, с. 440]. Однако наставления Анисьи не завершаются успехом: подобно не умеющей задержаться у берега реке, Алька покидает родные края.

В рамках нашего исследования важно обратить особое внимание на взаимодействие мужчин с водным потоком. Достаточно скромное место в диалогии занимает отец Альки Павел. Персонаж обладает кротким, сдержанным характером, в отличие от прямолинейной до жестокости супруги и взбалмошной дочери. Однако именно на фоне такого контраста наиболее ярко проявляется ненавязчивое вмешательство Павла в семейный быт. Показателен эпизод с попыткой Альки напиться из лесного ручья: «Она <...> побежала к мостику – двум березовым кряжикам, переброшенным через ручей <...>».

Но не так-то просто, оказывается, напиться с мостика: хлипкий. Тогда она решила зачерпнуть воды с берега – пригоршней, стоя на корточках.

— Постой, постой, – закричала Анисья, – тут ведь где-то посудинка должна быть.

Она ткнулась к одной ели, к другой, к третьей и вдруг вышла сияющая. С берестяной коробочкой в руке.

— Чья это? Как тут оказалась? – спросила Алька.

— Отцова. Отец это делал для твоей матери» [там же, с. 438]. Таким образом, мужчине удастся найти компромисс: не нарушая движения водного потока, Павел как бы умирят ручей, напиться из которого оказалось так же непросто, как и найти подход к гордой и своенравной жене.

Значительную схожесть с Алькой имеет героиня тетралогии Ф. А. Абрамова «Пряслины» Варвара Иняхина. Ее поведение в первую очередь нацелено на нарушение любых границ и правил, оберегаемых социумом в сфере межполовых отношений. Метафорическая связь женщины и реки в этом случае задается автором в одном из первых упоминаний о Варваре: «Лукашина догнала молодая смазливая бабенка <...>».

— ...Вы куда это направились? Вон теперь где переходы-то, – указала она на кусты слева. – Пинега раздичалась – страсть. Чужому человеку и ходу нет. Пойдемте. Уж коли я первая вас заприметила, я и выведу...

Варвара задорно подмигнула ему, слегка приподняла подол платья и свернула налево» [Абрамов, 2012, с. 26–27].

Вышедшая из берегов река вторит заигрывающей с мужчиной героине. Фраза женщины «чужому человеку и ходу нет» по сути характеризует ее собственное нескромное поведение в отношении деревенского новосельца. Кроме того, последняя реплика Варвары позволяет говорить о некоем соперничестве с рекой: не зная дороги, Лукашин пришел бы к реке, преграждающей путь, однако Варвара, «первая заприметив» мужчину, уводит его собственной дорогой. Знакомясь с переменчивым нравом северной реки, Лукашин уточняет: «– Что она у вас, всегда такая?»

— Пинега-то? Раз в десять лет молодость вспоминает» [там же, с. 27]. Последовавший ответ позволяет предугадать модель поведения Варвары, находящую подтверждение в дальнейшем развитии сюжета.

Четкая параллель с Алькой обнаруживается также в рассуждениях Варвары: «В жару, бывало, на сенокосе, разомлеешь – рада до воды добраться. Мужики ли, парни – бух в воду, всем-то еще веселее. Смотрите на здоровье, не украдено» [там же, с. 41]. В обоих эпизодах с купанием обращает на себя внимание мотив осознанного нарушения мужского покоя героинями². Упомянутые эпизоды позволяют говорить о наличии подобного гендерного противостояния локусов в прозе Ф.А.Абрамова. См., например, эпизод очередной встречи Лукашина и Варвары у колодца: «Набрав воды, Варвара <...> стала прилаживать коромысло к ведам. В это время на глаза ей попался Лукашин <...>.

— Водички холодной не желаете?

Лукашин даже не оглянулся» [там же, с. 78].

Действия персонажей символичны: мужчина предпочитает проигнорировать предложение женщины выпить колодезной воды, извлеченной из колодца (на метафорическом уровне в этом прослеживается призыв открыться, проявить тайные желания). Лукашин, подобно сохраняющему внутреннее наполнение колодцу, пытается скрыть подобные желания. Однако отсутствие ответа не останавливает Варвару, и героиня решает преодолеть равнодушие мужчины, буквально нарушая покой колодца: «Она скинула с плеч коромысло, воровато оглянулась вокруг и вдруг, схватив одно из ведер, опрокинула в колоду. Затем, все так же оглядываясь по сторонам, сняла черпак со стойки, подошла к срубу и с размаху погрузила его в колодец» [там же, с. 78–79]. Такая уловка Варвары послужит очередным шагом для нарушения душевного равновесия Лукашина.

С разбушевавшейся рекой сравнивается другой персонаж тетралогии – Нюрка: «Правда, глядеть у Нюрки есть на что. Высокая, фигуристая, и глаза – вода полая, любое дерево с корнем выворачивают. Недаром из-за нее все ребята и мужики на лесопункте передрались. Но, конечно, куда там Нюрке до Варвары» [там же, с. 265]. Упоминание Варвары в данном контексте подчеркивает индивидуальную специфику поведения каждой женщины-реки: если попытки Нюрки соблазнить мужчину довольно пассивны и своей неудачей не приносят героине беспокойства, то в целеустремленной Варваре только разжигают азарт. Как справедливо указывает А. А. Москалинский: «Река – живая, она имеет свой неповторимый характер, но она и изменчива и может соответствовать не только характерам героев, но и их настроениям, раскрывать внутреннюю красоту во внешнем ее проявлении, и в этом выражается ее локально-динамический образ» [Москалинский, 2010, с. 141].

² См. о гендерном противостоянии локусов (которые «соотносятся как ”мужской” – ”женский”, ”статичный” – ”динамичный”, ”порядок” – ”хаос” в зависимости от типа поведения героев в пространстве») в нашей работе, посвященной изучению гендерной семантики колодца и реки в прозе В.М. Шукшина: [Воробьева, 2018, с. 150].

Помимо искушения река в художественной системе Ф. А. Абрамова несет для персонажей-мужчин угрозу смерти. Неподдельный страх перед водным потоком испытывает Михаил Пряслин: «Мишка поднял отяжелевшую голову. Перед ним чернел Попов ручей. Сон с него как рукой сняло. По рассказам, в Поповом ручье пугало. Говорят, будто давным-давно тут повесился какой-то мужик, и с той поры каждую ночь о полуночи разъезжает по ручью Баба-Яга на железной ступе, разыскивает душу бедного мужика...» [Абрамов, 2012, с. 13]. Примечательно здесь упоминание Бабы-Яги, одной из женских ипостасей нечисти, которая в легенде наделяется определенной властью над речным пространством.

С развитием сюжета мистический страх героя сменяется реальным: «Ему вдруг почудилось, что его зовут. Он продрал глаза и похолодел от ужаса: его со всех сторон обступал Попов ручей – от мохнатого ельника темно, как в погребе. Слева, из самой глубины чащи, глухо стонало:

— Ми-ишка, Ми-ишка...

«Это по мою душу...» – мелькнуло в его голове.

— Мишка, Мишка, помоги!..

Голос ему показался странно знакомым. <...>. Далеко в стороне от дороги, там, где ручей переходит в болотистую луговину, на снегу что-то шевелилось.

— Мишка, не уезжай... Партизан утоп...» [там же, с. 13].

Взывающей о помощи оказывается знакомая Михаила. Чтобы сократить дорогу, Дунярка предпочитает тающий ледяной покров реки накатанной дороге. Показательно, что лишившись коня, девушка остается невредима, одновременно заставив юношу испытать смертельный ужас.

Женская семантика реки в абрамовской прозе обозначается в авторском сравнении: «Пинега, зажатая холодом, еще не освободилась от льда – стонет, мается, как роженица, а протолкнуть лед не может» [Абрамов, 2012, с. 351]. Поведение женщины во время родов и попытки реки освободиться от ледяного бремени – основа уподобления женщины и реки.

Таким образом, речное пространство в произведениях Ф. А. Абрамова обладает женской семантикой. Сходство женщины и реки основано на непрерывном движении, прослеживающимся в динамичности водного потока и отзывающимся в непокорном и зачастую непредсказуемом поведении женщины. В то же время для персонажей-мужчин река выступает откровенно «чужим», неподвластным пространством, несущим моральную либо физическую гибель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов, Ф. А. Братья и сестры: роман в 4 кн. Кн. первая: Братья и сестры Кн. вторая: Две зимы и три лета / Ф. Абрамов. – Москва: Вече, 2018. – 512 с.

Абрамов, Ф. А. Пелагея и Алька / Ф. Абрамов. – Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1974. – 445 с.

Виноградова, Л. Н. Река / Л. Н. Виноградова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва: Международные отношения, 2009. – 656 с. – С. 416–419.

Воробьева, Т. А. Гендерная семантика реки и колодца в прозе В. М. Шукшина / Т. А. Воробьева // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 145–150.

Куляпин, А. И. Хронотоп переправы в художественном мире В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // От текста к контексту. – 2014. – № 1. – С. 114–118.

Москалинский, А. А. Река как основной географический образ в художественной литературе / А. А. Москалинский // Псковский регионологический журнал. – 2010. – Вып. 10. – С. 141–146.

Топорков, А. Л. Река / А. Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – Москва: Эллис Лак, 1995. – С. 332–334.

REFERENCES:

Abramov, F. A. Brat'ya i sestry: roman v 4 kn. Kn. pervaya: Brat'ya i sestry Kn. vtoraya: Dve zimy i tri leta / F. Abramov. – Moskva: Veche, 2018. – 512 s.

Abramov, F. A. Pelageya i Al'ca / F. Abramov. – Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo, 1974. – 445 s.

Vinogradova, L. N. Reka / L. N. Vinogradova // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. – S. 416–419.

Vorob'yova, T. A. Gendernaya semantika reki i kolodtsa v proze V. M. Shukshina / T. A. Vorob'yova // Filologiya i chelovek. – 2018. – № 1. – S. 145–150.

Kulyapin, A. I. Khronotop perepravy v khudozhestvennom mire V. M. Shukshina / A. I. Kulyapin // Ot teksta k kontekstu. – 2014. – № 1. – S. 114–118.

Moskalinskiy, A. A. Reka kak osnovnoy geograficheskiy obraz v khudozhestvennoy literature / A. A. Moskalinskiy // Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal. – 2010. – Vyp. 10. – S. 141–146.

Toporkov, A. L. Reka / A. L. Toporkov // Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'. – Moskva: Ellis Lak, 1995. – S. 332–334.